

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

А. Сенькина

ПОЧЕМУ МЮНХГАУЗЕН НЕ ПОПАЛ В ХРЕСТОМАТИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ?

(«Приключения барона Мюнхгаузена» в педагогической критике конца XIX — начала XX вв.)¹

«Приключения барона Мюнхгаузена» — признанная классика детской литературы. Эту книгу ставят в один ряд с «Робинзоном Крузо», «Дон Кихотом», «Гулливером», но, в отличие от них, путь «Мюнхгаузена» в детскую литературу был непрост. В настоящей статье рассматривается реакция педагогической критики на детские издания, вышедшие в XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: история и критика детской литературы.

В книге *От Эзопа до Джанни Родари*, посвященной обзору зарубежной литературы, вошедшей в круг русского детского чтения, Евгений Брандис писал: «Из переводных книг, прижившихся в России XVIII в., навсегда перешли в детскую литературу произведения четырех классиков: Сервантеса, Перро, Дефо и Свифта» [Брандис 1980, с. 26]. Казалось бы, в эту компанию должно было с полным основанием войти и произведение Распе-Бюргера, ведь именно с Гулливером, Робинзоном Крузо и Дон Кихотом, начиная с авторских предисловий к первым изданиям оригинала, было принято сравнивать барона Мюнхгаузена, да и книгу о нем ждала та же самая судьба — перейти в разряд детской классики, стать одним из хрестоматийных произведений литературы для детей. Впрочем, строго говоря, *хрестоматийным* в буквальном смысле слова «Мюнхгаузен» стал только на рубеже XX–XXI вв., когда попал в некоторые учебные пособия для младшей школы, в отличие от произведений тех же «четырех классиков», которые уже в 1840–1850-е были представлены в хрестоматии А. Д. Галахова. По-видимому, это не случайно, в отличие от всех четырех упомянутых Брандисом произведений путь «Приключений Мюнхгаузена» в русскую детскую литературу был не так уж прост, начался он отнюдь не с известного переложения Корнея Чуковского (скорее, наоборот, на нем завершился) и происходил не благодаря деятельности педагогов и просветителей (как в остальных случаях), а во многом вопреки ей.

Распе Р. Э. Чудесные приключения барона Мюнхгаузена, обработанные для юношества. СПб.: Ф. А. Битепаж, ценз. 1886.

Об отношении дореволюционной педагогической критики к *Приключениям Мюнхгаузена* как к произведению для детей можно судить по выходившим в период с 1873 по 1901 гг. журнальным рецензиям на детские переложения книги, а также по предисловиям, которые предваряли текст в самих этих изданиях. В целом оценка была весьма негативной, и, по мере того как росла популярность самого произведения и увеличивалось количество его изданий для детей, отзывы критиков если и становились сдержаннее, то отнюдь не делались благосклоннее. Суммируя обвинения, предъявляемые критиками, можно увидеть, что они затрагивают в основном три позиции.

Во-первых, книга представлялась не просто наполненной невероятными рассказами, но при этом еще и лишенной какой бы то ни было идеи, которая сделала бы столь безудержный вымысел сколько-нибудь осмысленным и оправданным. Автор рецензии на детское переложение Ф. Гофмана *Путешествия и приключения Барона Мюнхгаузена* (1872) формулирует эту претензию уже вполне отчетливо: «Какой-нибудь идеи искать просто и не приходится» [Педагогический листок 1873, с. 68]². Оценивая одно из следующих изданий «Мюнхгаузена» в 1883 г., рецензент пишет о нем, что эта книга

Слева: иллюстрация из книги Р. Э.Распе «Чудесные приключения и путешествия барона Мюнхгаузена, обработанные для юношества». СПб.: Ф. А. Битепаж, ценз. 1896. С. 24–25; художник не указан. Справа: иллюстрация из книги «Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена в изложении Ф. Гофмана». Пер. с нем. А. Н. Нееловой. СПб.: В. И. Губинский, ценз. 1903. С. 72–73; художник не указан.

если и отвечает своей цели со стороны забавности, то противоречит ей со стороны полезности. настолько противоречит, что смело может быть отнесена к числу вредных книг. Дело в том, что «Чудесные приключения барона Мюнхгаузена» все состоят в таких небылицах и невозможных положениях, что к концу книги утрачивают даже свою забавность для читателя, несомненно утомляя его необъяснимым, безыдейным, фантастическим элементом. И все эти бессмыслицы и небылицы оправдываются в конце книги последнею припискою — «не люблю, не слушай, а врать не мешай», — ничуть, однако, их не оправдывающею, ибо заставляя родителей покупать книгу за 1 р. 75 к., а детей прочитывать ее, ради того только, что автору припала охота (по его же собственному выражению) «поврать», — конечно, не резон [Женское образование 1883, с. 146–147].

То, что рецензируемое издание было выпущено в одной серии с «Гулливером» и «Дон-Кихотом», нисколько не поднимало его в глазах критика, на что, возможно, отчасти рассчитывали переводчик и издатель. Наоборот, соседство с классическими творениями сослужило «Мюнхгаузену» дурную службу, поскольку на фоне их содержательности «безыдейный фантастический элемент» последнего выглядел особенно заметно и раздражающе.

Какой бы вид не имел фантастический элемент в обоих этих произведениях двух великих авторов, все же сквозь него ярко просвечивают вложенные в них идеи.

<...> С этими двумя поистине полезными книгами г-жи Шмидт-Московитиновой смешно было бы и сравнивать третью — «Чудесные приключения барона Мюнхгаузена», так как эта последняя именно и отличается отсутствием какой-либо идеи: она вся написана ради красного словца [Там же].

В последней четверти XIX в. были достаточно популярны идеи реального обучения, предполагавшей предоставление ребенку содержательных, полезных, по возможности — практически ценных знаний. Естественно, что в ракурсе таких образовательно-воспитательных предпочтений книга о Мюнхгаузене не могла не вызывать крайнего раздражения полным отсутствием какой бы то ни было позитивной информации, что означало и полную бесполезность ее для детского чтения. На то же издание 1883 г. была напечатана еще одна рецензия, в которой, в частности, говорится:

Это была книга досужих людей, готовых похотать часто самым беспричинным, неосмысленным смехом над забавным анекдотом. <...> И вот теперь-то является совершенно грамотная переделка этого произведения для русского юношества, причем рассказ ведется перед совсем маленькими детьми, предлагать которым подобное чтение вполне бесцельно: невероятность значительной части эпизодов не будет даже вполне ими понята. <...> Прежде всего, все «Приключения» невероятны и нелепы до абсурда, и почтенный барон, объехав почти весь мир, ни [об] одной стране не сообщает никаких характерных и сколько-нибудь полезных сведений [Обзор... 1883, с. 110–111].

Во-вторых, выдумки барона признавались грубыми, примитивными и даже отчасти непристойными — то есть, «неудобными» для детского чтения, сообщающими детям превратное представление о фантазии и остроумии:

Это бы еще ничего, что автор составил целую книжку тупых, пошлых бессмыслиц, способных возбудить в юных читателях грубый, недостойный смех разными до крайности шаржированными, quasi-комическими положениями, и с легким сердцем преподносит их детям: если бы он ограничился только этим, то можно было бы объяснить такое отношение к маленьким читателям, ну, хоть неразумием что ли, незнанием требований педагогики, непониманием детской природы, — словом, каким-нибудь недоразумением со стороны автора [Женское образование 1884, с. 439].

В одной из рецензий глупость и низкопробность содержания книги прямо объясняется ее страной происхождения:

Немцы забавляются такими небылицами, которые рассказывает Мюнхгаузен. Им кажется очень смешным рассказ его о том, как он сам себя вытаскивал за волосы из болота, в котором завяз и т. п. Нам кажется, что все это просто глупо, да и рассказано как-то вяло и дубовато. Даже тип хвастуна-рассказчика вышел какой-то уж слишком немецкий, дешевой: и неостроумный, и неправдоподобный [Педагогический листок 1873, с. 68].

Путешествия и приключения Барона Мюнхгаузена в изложении Ф. Гофмана / пер. с нем. А. М. Нееловой. СПб.: В. И. Губинский, ценз. 1903.

Наконец, в-третьих, переводчикам и издателям «Мюнхгаузена» инкриминировалось то, что эта книга оправдывает и пропагандирует беззастенчивое вранье, хвастливое фантазерство и способна научить детей лгать. Комментируя фрагмент стихотворного переложения «Мюнхгаузена», автор (кстати, тот же самый, что и у предыдущей рецензии) негодует, особенно не стесняясь в риторических средствах выражения своего педагогического возмущения:

После такой мастерской группировки предложений, развращающих, растлевающих детские понятия, автор еще осмеливается уверять, что он «обожает детей», что он «в каждом дитяти видит друга!» <...> Но когда эти нелепости особенно рекомендуются, в виду того, что, мол, народ даже уверяет, будто обманывать полезно (а ведь глас народа, как известно, глас Бога) — то должно смело признать, что такая книжка написана никак не другом детей, будто бы «обожаящим» их, а именно их врагом [Женское образование 1884, с. 439].

Если «Приключения Мюнхгаузена» за что-то и хвалили, то лишь за качество иллюстраций и полиграфии (почти все детские издания этой книги выпускались подарочными, богато иллюстрированными изданиями) и в отдельных случаях — за литературные достоинства перевода, например: «С внешней стороны книга г-жи Шмид вполне удовлетворительна, относительно бумаги, печати и рисунков, а изложение отличается почти безупречным языком» [Обзор... 1883, с. 111]; «Очевидно также и то, что как со стороны их составительницы, так и со стороны издателя приложено все старание, чтобы придать им возможно больше привлекательности с внешней стороны: действительно, изданы книги роскошно и содержимые ими повести изложены вполне литературно» [Женское образование 1883, с. 147].

Однако и внешние достоинства изданий то и дело риторически оборачивались не в пользу их содержимого. С одной стороны, «глупые и пошлые бессмыслицы», будучи красочно проиллюстрированными, выглядели еще глупее, пошлее и бессмысленнее, что лишь усугубляет их вредоносность и, соответственно, недопустимость в качестве детского чтения. «Иллюстрации выразительны, но не все удобны для детской книжки» [Педагогический сборник 1901, с. 138]; «Все эти грубейшие сцены, да еще иллюстрированные картинками, как медведь проглатывает дышло, как заяц разлетается вдребезги, как барон выхлестывает тушу из живой лисицы, и многое множество других — все это так грубо, что если и возбудит в детях смех, то смех не веселый и здоровый, а грубый и нежелательный» [Русская школа 1901, с. 29]. С другой стороны, привлекательная форма воспринималась рецензентами как обман, иллюзия, заслоняющая негодное содержание, что провоцировало на банальные метафоры: «Оригинал, который понадобилось преподнести публике в новом переводе для рождественских подарков, есть вещь довольно странная. Ныне перевод является с раскрашенными картинками, в изящном переплете, словом, со всеми теми украшениями, которые соответствуют сусальному золоту на гнилых орехах» [Педагогический листок 1873, с. 68].

Переводчикам и издателям «Мюнхгаузена», естественно, приходилось защищаться, причем делали они это по большей части осторожно, пытаясь объяснить, каким образом книга может принести детям пользу. Одна из идей состояла в том, что слишком откровенное вранье барона не пристрастит детей ко лжи, а, наоборот, заставив увидеть лгуна во всем его ничтожестве и посмеяться над

ним, отвлечь от этого порока навсегда. В предисловии к первому детскому переложению книги издатель, видимо, предчувствуя реакцию бдительной педагогической критики, предпринял попытку такой превентивной защиты. Он пишет:

В старину было государство Спарта, в котором очень старались о воспитании детей. Когда они обедали, то около столов нарочно водили пьяного. Смешно и жалко им было смотреть на него: запоминали они на всю жизнь, как нехорошо быть пьяным, и старались всегда быть воздержными. <...>

В этой книжке представлено, будто такой хвастун, барон фон-Мюнхгаузен, рассказывает свои похождения. Он лжет без всякого милосердия, так что решительно никто не поверит его рассказу. Пусть эта книжка будет для вас тем же, чем был пьяный для спартанских детей. Если бы кому-нибудь из вас вздумалось прихвастнуть, сказать неправду — вспомните барона фон-Мюнхгаузена и постыдитесь походить на него [Приключения барона 1864, с. 1].

Другая конструкция, используемая публикаторами для оправдания детской адресации столь сомнительной с нравственно-просветительской точки зрения книги, состояла в том, что на первый план выводилось остроумие (а значит, по умолчанию, и ум) и веселый (а значит, и добрый) нрав героя и его талант рассказчика (а значит, хороший вкус), каковые качества и предлагалось оценить в первую очередь; сами рассказы же о приключениях должны были послужить для того, чтобы увидеть проявление всех этих качеств, а также для чистого развлечения, не лишённого эстетической прелести и пользы для развития собственной фантазии. Эту логику использует, в частности, Ф. Гофман в предисловии к своему немецкому изданию «Мюнхгаузена» для детей, в котором автор рассказывает о своей личной встрече со знаменитым бароном и приводит написанное по просьбе последнего свидетельство. Это предисловие было переведено и перепечатано уже в русском издании 1872 г.:

Сообразно с истиной, свидетельствую, что:

Господин М., мой старинный друг, по его собственному показанию, никогда не говорит и не распространяет лжи, — и что,

Господин М. один из самых приятных и веселых собеседников, с какими мне когда-либо приходилось сводить знакомство: он блистает неисчерпаемым остроумием; веселые шутки его льются без конца, и роскошная фантазия его полна самой причудливой изобретательности.

Тем не менее я не советую юным друзьям принимать всё, что рассказывает господин М., за чистую и несомненную истину, но советую от души посмеяться его шуткам...» [Гофман 1872, с. 1].

Борис Бегак в статье о «Мюнхгаузене» как детской книге писал по этому поводу: «Передельвая “Приключения барона Мюнхгаузена” для детей, авторы того или иного варианта книги обычно

снабжали его предисловием, которое должно было играть роль противоядия. Предисловие или введение призвано было обезопасить детей от выдумок героя-фантазера — иначе, чего доброго, примут их за чистую монету!» [Бегак 1975, с. 27]. Это суждение, при кажущейся справедливости, тем не менее представляется неточным в определении самой прагматики публикаторских предупредительных рекомендаций по восприятию книги: авторы, скорее, беспокоились о судьбе издания, чем о нравственном здоровье ее гипотетических читателей, и предисловия, судя по всему, лишь формально были обращены к детям, истинными же их адресатами являлись цензоры, критики и педагоги.

Очередное детское издание, вышедшее в 1901 г., получило в педагогической периодике сразу два отзыва, общая идея которых одна и та же: произведение обладает определенной известностью, с которой совсем не считаться нельзя, но одновременно содержит некоторый педагогический изъян, ибо может научить лжи, поэтому к детской аудитории его допускать не следует, в крайнем случае — в нормированных дозах и тщательно направляя восприятие в нужную сторону: «Это старинное произведение в новом переводе г. Федорова-Давыдова так же мало пригодно для детского чтения, как и во всех прежних переводах, переделках и сокращениях» [Русская школа 1901, с. 28]. И в другой рецензии:

Не можем также без оговорок допустить в детскую библиотеку новое издание «Приключений и путешествий барона Мюнхгаузена», перев. А. Федоровым-Давыдовым. Это в своем роде классическое произведение читается с интересом только в первой половине, потом является утомление, к стати, характер приключений становится все более и более несообразным. При чтении, во-1-х, необходимо указать, что в данном случае неизвестный автор издевается над враньем путешественников, охотников и т. п.; во-2-х, следует наблюдать, чтобы воспитанники не стали подражать бар. Мюнхгаузену, потому что вранье, как плод воображения, заразительно [Педагогический сборник 1901, с. 138].

Конечно, у «Мюнхгаузена» были свои ценители и защитники (что характерно, не из педагогической среды), которые, рассуждая в тех же нравственно-педагогических категориях, пытались, наоборот, показать, что эта книга может использоваться для воспитания отвращения к вранью, и тем самым реабилитировать ее в глазах публики и критики. Так, З. А. Венгерова писала в том же 1901 г. во введении к книге «Барона Мюнхгаузена рассказы об его удивительных приключениях в России и других странах»:

Как в английском, так и немецком издании Мюнхгаузен вовсе не изображен пошлым лгуном, который морочит людей своими невероятными и хвастливыми

рассказами. Напротив того, и Распе, и после него Бюргер старались отметить этическое значение рассказов Мюнхгаузена. Распе в своем предисловии называет Мюнхгаузена не лгуном, а напротив, обличителем лжи [Венгерова 1901, с. 8].

Таким образом, к началу XX в. вокруг «Мюнхгаузена» сложилась своеобразная ситуация. Книга регулярно переиздавалась как для взрослых, так и для детей (а следовательно, пользовалась устойчивой популярностью в читательской аудитории) и воспринималось уже не иначе, как произведение «старинное», «очень известное», и даже «в своем роде классическое» — в частности, и теми, кто считал необходимым ограничить ее доступ к детской аудитории, а при этом сложилась ее устойчивая репутация именно как детской книги, что, со своей стороны, могло вызывать недовольство тех, кто относился к «Приключениям Мюнхгаузена» как к серьезному произведению. Показательно следующее высказывание из предисловия переводчика ко «взрослому» изданию: «Приключения барона Мюнхгаузена, давно ставшие <...> народной книгой в Германии и, пожалуй, в Англии и во Франции, у нас в России почему-то до сих пор причислялись к детской литературе. Между тем, они интересны и поучительны не для одних детей» [Трубачев 1902, с. I].

После революции «Мюнхгаузен» принимают довольно благодушно, вновь хвалят за веселый склад. Так, например, характеризуется книга (издания 1923 г.) в аннотированном указателе детской литературы: «Хорошая “веселая” книга, действующая своей насмешкой лучше всякой прописной морали на подростка с Хлестаковским уклоном» [Рагозина 1924, с. 104]. Правда, в середине 1920-х книга снова попадает в опалу у критиков в связи с кампанией по борьбе с антропоморфизмом и прочими проявлениями «фантастического элемента» в детской литературе, но ненадолго, поскольку сама эта кампания через некоторое время сошла на нет. Одним из первых Мюнхгаузен пропагандировал и защищал сам К. Чуковский [см.: Чуковский 1965], а в 1934 г. в своей знаменитой речи на I Всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький раз и навсегда благословил для советского читателя книгу о Мюнхгаузене как вскормленную устным народным творчеством и относящуюся к «крупнейшим произведениям книжной литературы».

Примечания

¹ Статья представляет собой фрагмент большой коллективной работы, посвященной исследованию истории детских изданий «Мюнхгаузена» (от первого анонимного перевода в 1864 г. до пересказов К. Чуковского 1923 и 1928 гг.). См.: Лурье М. Л., Парфененко К. С., Сенькина А. А. Детские издания «Приключения барона Мюнхгаузена».

узена» в России: от безымянного перевода середины XIX века до пересказа Корнея Чуковского // Fjodorovs F., red. Minhauzens un minhauzeniāde. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2009. Lp. 17–43. (Komparatīvistikas institūta almanahs, 16 sēiums.)

² Поскольку у большинства рецензий имена их авторов не указаны или обозначены одними инициалами, мы используем их сокращенное обозначение по названию того издания, в котором они напечатаны.

Источники

Гофман Ф. Путешествия и приключения Барона Мюнхгаузена / предисл. Ф. Гофмана; с 8 хромолитогр. рис.; пер. С. Майковой. СПб.: Ф. А. Битепаж, [1872].

Обзор детской литературы. 1883. Вып. 1. (рец. № 190). С. 110–111.

П-я-ъ Н. [Рецензия на книги:] Дон-Кихот Ламанчский, рыцарь печального образа и рыцарь львов / переделано по Сервантесу для русского юношества О. И. Шмидт-Москвитиновою. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1883. Цена 1 р.75 к.; Путешествия д-ра Гулливера в страну Лилипутов и к великанам / по Свифту переделано для русского юношества О. И. Шмидт-Москвитиновою. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1883. Цена 1 р.75 к.; Чудесные приключения барона Мюнхгаузена, рассказанные дедушкой своим внукам / переделано для русского юношества О. И. Шмидт-Москвитиновою. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1883. Цена 1 р.75 к. // Женское образование. 1883. № 2 (февраль). С. 146–147.

П-я-ъ Н. [Рецензия на книгу:] Похождения и приключения барона Мюнхгаузена, рассказанные в стихах Козьмой Саврасым. Одесса: Издание Эмиля Бернда, 1883 // Женское образование. 1884. № 6–7 (август-сентябрь). С. 438–439.

Приключения барона Мюнхгаузена. [СПб]: М. О. Вольф, [1864].

[Рецензия на книгу:] Приключения и путешествия барона Мюнхгаузена / пер. А. А. Федорова-Давыдова. М. 1901. Ц. 15 к. // Русская школа. 1901. № 8 (авг.). С. 28–29.

[Рецензия на книгу:] Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена / с предисловием Фр. Гофмана; пер. С. Майкова. Изд. Битепажа. 1873. // Педагогический листок (для родителей и воспитателей). 1873. № 1. С. 67–68.

Рагозина С. Новая детская литература: вводная статья и указатель с аннотациями. Л.; М.: Книжный угол, 1924.

Соболев М. Обзор детских книг за 1900 г. Статья 2-я. // Педагогический сборник. 1901, август. С. 132–142.

Шмидт-Москвитинова О. И. Чудесные приключения барона Мюнхгаузена, рассказанные дедушкой своим внукам / переделано для русского юношества О. И. Шмидт-Москвитиновою; с 6 хромолитогр. рис. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1883.

Исследования

Бегак Б. Мюнхгаузен и дети // Дошкольное воспитание. 1975. № 2 (февраль). С. 26–30.

Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М.: Дет. лит., 1980.

Венгерова З. А. Введение // Барона Мюнхгаузена рассказы об его удивительных приключениях в России и других странах / пер. и введение З. А. Венгеровой. СПб., 1901. С. 3–15.

Трубачев С. С. Предисловие // Путешествия и приключения Барона Мюнхгаузена / пер. с нем. А. Н. Линдегрен, под ред. С. С. Трубачева; илл. Г. Дорэ. СПб., 1902.

Чуковский К. И. От двух до пяти // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 1. С. 535–542 («Разговор о Мюнхгаузене. 1929»); 559–561 («И опять о Мюнхгаузене. 1936»).